

Глава 11. «А когда я думаю, что проиграл именно ты, мне становится еще радостнее»

—
И хотя крытый манеж защищал от бушующей снаружи метели, ледяной ветер все равно беспрепятственно прорывался внутрь сквозь распахнутые с двух сторон массивные ворота.

Под защитным шлемом щеки Ся Синъаня от этого обжигающего, острого как лезвие ножа ветра успели стать пунцово-красными.

Юноша прерывисто, тяжело дышал. По его лбу крупными каплями катился пот — это контрастное ощущение, когда одна половина тела буквально плавилась от жара, а другая коченела от холода, проявилось во всей своей яростной полноте сразу после того, как мотоцикл замер на месте.

Пальцы его рук затекли и онемели настолько, что даже после остановки на трекке ему потребовалось немало времени, чтобы просто заставить себя разжать хватку и убрать ладони с рукояток руля.

Бешеное сердцебиение, разогнанное треком, и не думало утихать. Ся Синъаню пришлось сделать несколько глубоких вдохов и выдохов, чтобы хоть как-то подавить волну адреналина, затапливающую перегретый мозг.

Многие участники экстремальных соревнований после победного финиша дают волю эмоциям: швыряют экипировку, бьют кулаками по бензобаку или безумно кричат, выплескивая напряжение.

Но Ся Синъань никогда так не поступал.

В нем удивительным образом сочетались безумный импульс и абсолютный самоконтроль. Какая бы дикая, первобытная страсть ни бурлила в его жилах, она не могла заглушить его природную мягкость и сдержанность.

К тому же — и это было самым весомым аргументом — и этот навороченный байк, и гоночная экипировка принадлежали клубу.

Если он хоть что-то из этого повредит, из своего кармана придется выкладывать кругленькую сумму на возмещение ущерба.

Разве мог такой отчаянный трудоголик и экономный парень, как Ся Синъань, совершить столь глупую, непростительную ошибку и добровольно расстаться с честно заработанными деньгами?

Сделав еще пару глубоких вдохов и окончательно придя в себя, Ся Синъань наконец обратил внимание на Линь Хэ, который в полном унынии и протрации буквально распластался на своем мотоцикле.

Тот обхватил голову руками, упершись локтями в руль. Его грудная клетка ходила ходуном, а сам он то и дело с глухим стоном бессильной злобы брезгливо ронял голову на руки, всем своим видом демонстрируя полную неспособность переварить сокрушительное поражение.

Ся Синъань лишь слегка повернул голову, скользнул по нему равнодушным взглядом и тут же отвернулся.

Ему глубоко не нравился Линь Хэ.

Будь то его наплевательское отношение к окружающим, когда он на полной скорости окатил грязью случайного прохожего, или же эта спесь, сменяющаяся слепой яростью при нежелании признавать очевидные факты — все это вызывало у Ся Синъяня лишь искреннее презрение.

К этому моменту остальные мажоры из тусовки тоже начали стягиваться к финишу. Однако все они застыли на расстоянии доброго метра, нерешительно переминаясь с ноги на ногу и не зная, с какими словами подойти, чтобы утешить уязвленного лидера.

Дуань Ян стоял в стороне от этой колеблющейся толпы. Засунув руки в карманы брюк, он сохранял подчеркнuto отрешенный, расслабленный и небрежный вид.

Однако судорожно сжатые в кулаки пальцы внутри карманов выдавали его истинное состояние с головой: его сердце колотилось так мощно и часто, словно он сам только что сорвал финишную ленту на этом треке.

Находясь на столь близком расстоянии от Ся Синъяня, облаченного в облегающий черный кожаный комбинезон, Дуань Ян почувствовал, как к горлу подкатил странный, щекочущий комок. Он был вынужден судорожно сглотнуть, чтобы хоть как-то подавить это неизведанное, пугающее чувство.

Эти эмоции были настолько сложными, противоречивыми и необъяснимыми, что Дуань Ян отчаянно нуждался хотя бы в каком-то легальном выплеске.

Не в силах совладать с внутренним притяжением, он сделал два шага по направлению к Ся Синъяню и, облизав пересохшие губы, произнес первое, что пришло в голову, лишь бы нарушить затянувшееся молчание:

— Поздравляю. Ты победил.

Только тогда Ся Синъянь заметил, что Дуань Ян тоже подошел ближе. Его глубокие черные глаза ярко блеснули в лучах потолочных прожекторов. Уголок губ юноши слегка дернулся, и он выдавил из себя подобие вежливой улыбки:

— Да. Спасибо.

«Пожалуй, нам больше не о чем разговаривать», — мысленно резюмировал Ся Синъянь.

К тому же он был довольно злопамятным человеком, и у него не было ни малейшего желания поддерживать светскую беседу с Дуань Яном.

Дуань Ян, услышав этот негромкий голос, почему-то почувствовал странный укол радости. Он крепче сжал пальцы в карманах и как бы между прочим, стараясь придать голосу максимум безразличия, продолжил расспросы:

— Ты действительно круто водишь. Где-то учился профессионально? Раньше я никогда не видел, чтобы ты садился за руль.

Дуань Ян и сам не понимал, что с ним происходит в эту секунду — ему просто до безумия, до зуда в зубах хотелось, чтобы Ся Синъянь продолжал говорить с ним.

Пусть это будет даже самый пустой, ничего не значащий треп ни о чем.

Но он совершенно не умел вести диалог, и язык, словно назло, тут же выболтал напоминание об их общем прошлом.

А ведь их прошлое с Ся Синъянем совсем недавно закончилось штампом о разводе.

Дуань Ян на мгновение зажмурился, чувствуя, как из глубин души поднимается волна глухого раздражения на самого себя. Он резко отвернулся, избегая прямого взгляда Ся Синъяня.

Что ни говори, а повел он себя сейчас как последний кретин.

Ся Синъянь тоже слегка удивился. Эта непривычная инициатива со стороны Дуань Яна, который сам напрашивался на разговор, выглядела более чем странно и подозрительно.

Впрочем, заикливаться на этом он не стал: в конце концов, Дуань Ян страдал перепадами настроения и явными проблемами с головой далеко не первый день.

Так и не удостоив его ответом, Ся Синъянь изящно перекинул длинную ногу через сиденье и спешился.

Вскинув руки, он снял тяжелый шлем и с силой тряхнул головой, отчего его волосы на макушке моментально растрепались и встали забавным ежиком.

Сам он этого, похоже, совершенно не заметил и лишь небрежно взъерошил шевелюру ладонью, превратив прическу в полный хаос.

Но когда он обернулся и случайно поймал собственное отражение в витринном стекле недалеко от перегородки, нелепый вид собственного «взрыва на макаронной фабрике» искренне его позабавил. Ся Синъянь не удержался и тихонько прыснул со смеху, отчего на его левой щеке отчетливо проступила очаровательная ямочка.

Стоящий рядом и мрачно переваривающий свой позор Дуань Ян в ту самую секунду, когда на лице Ся Синъяня показалась эта ямочка, ощутил, как его мозг мгновенно превратился в абсолютно пустую, звенящую пустыню.

У Ся Синъяня... У него, оказывается, есть ямочка на щеке?!

Парень, который только что закладывал такие безумные виражи на треке и выглядел невероятно брутально, обладает такой чертовски милой вещью, как ямочка?!

Дуань Ян в этот миг буквально лишился дара речи. Он застыл на месте как вкопанный, тупо и замороженно уставившись на лицо бывшего мужа.

Спустя добрых полминуты, наткнувшись на вопросительный, недоумевающий взгляд Ся Синъяня, Дуань Ян резко, словно от удара током, отдернул свой взор в сторону.

Чувствуя себя пойманным с поличным воришкой, он ощутил, как его уши и щеки стремительно заливаются густая, горячая краска.

Прошло немало времени, прежде чем он смог заставить себя поднять руку и с силой провести ладонью по волосам, пытаясь сбить наваждение.

«Да какого хрена со мной происходит?! С чего это я вдруг покраснел как девчонка?!» — яростно ругал себя в мыслях Дуань Ян, но этот странный, щекочущий зуд в районе сердца становился только сильнее.

Не в силах совладать с искушением, он снова украдкой скользнул взглядом в сторону Ся Синъяня.

И надо же было такому случиться, что его вороватый взгляд в ту же секунду лоб в лоб столкнулся с прямым, открытым взором юноши.

Ся Синъянь в этот момент слегка озадаченно наклонил голову набок. От этого простого жеста у Дуань Яна бешено заколотилось сердце. Он напрочь забыл, как нужно отводить глаза, и лишь тихо, судорожно втянул сквозь зубы воздух.

Ему вдруг подумалось, что Ся Синъянь с этой его ямочкой на щеке... выглядит как-то заурядно мило...

Ледяной ветер, ворвавшийся со стороны ворот, принес с собой колючие, еще не успевшие растаять крупы снега, которые с размаху обрушились на замерших внутри людей.

Одна из таких ледяных снежинок больно ужалила Дуань Яна прямо в лицо, заставив его моментально вздрогнуть от холода.

Этот физический укол заставил его резко прийти в себя. Дуань Ян мысленно ужаснулся: «Да что я, черт возьми, творю?! Нашел милым взрослого мужика?! У меня что, совсем крыша поехала?!»

Внутри него в один миг разверзлась целая бездна противоречивых, штормовых эмоций. Дуань Ян глухо, грязно выругался сквозь зубы, резко развернулся и зашагал прочь. В его поспешном, почти бегом шаге сквозила самая настоящая паника.

Кудрявый парень, всюду наслаждавшийся драмой, увидел, как Дуань Ян, ни слова никому не сказав, размашистыми шагами направляется к выходу. Он в полном недоумении крикнул ему вдогонку:

— Дуань-гэ, ты куда?!

Однако Дуань Ян даже не подумал обернуться. Намертво сдвинув брови к переносице, он упрямо и ожесточенно шагнул напрямиком в ревущую на улице снежную бурю.

— Ну ни хера себе... Что это с Дуань-гэ? Он что, так близко к сердцу принял чужой заезд, что аж переключило парня? — Кудрявый, который был с Дуань Яном в довольно неплохих отношениях, озадаченно почесал затылок и повернулся к стоящему рядом Ся Синъяню в поисках ответа.

Ся Синъянь вспомнил, как только что на его глазах менялось выражение лица Дуань Яна — то в жар, то в холод, словно у него вот-вот начнется бурный припадок бешенства.

Слегка поджав губы, Ся Синъянь скрестил руки на груди и коротко качнул головой:

— Кто его знает. Наверное, очередная вспышка личного безумия.

Кудрявый запутался окончательно. Он тупо уставился на лицо Ся Синъяня, как вдруг в его черепной коробке будто замкнуло какие-то контакты, воспоминания лавиной встали на свои места, и его рот сам собой распахнулся в немом шоке:

— Охренеть... Да я ж тебя вспомнил! Ты же этот... как его... бывший муж Дуань-гэ?!

Голос кудрявого взлетел на несколько октав. В потоках ледяного ветра, гуляющего по манежу, парень едва не лишился чувств от масштаба открывшейся правды.

«Ну теперь-то понятно, почему Дуань-гэ сбежал сверкая пятками! — лихорадочно соображал мажор. — Только-только развелись, и тут ты видишь, как твой бывший благоверный вчистую уделывает всех в твоём любимом мотоспорте! Да тут у кого угодно инфаркт случится от злости!»

С одной стороны, кудрявый на автомате считал себя человеком из лагеря Дуань Яна, но с другой — этот безупречный, фантастический обгон Ся Синъаня на вираже настолько глубоко запал ему в душу, что парень застрял в полнейшей нерешительности, не зная, чью сторону занять.

Пока он мучительно взвешивал все «за» и «против», то, подняв глаза, обнаружил, что главный виновник его душевных терзаний уже успел уйти далеко вперед.

Ся Синъань, небрежно удерживая шлем за ремешок, даже не подумал удостоить вниманием оставшихся на трекке мажоров. Он в полном одиночестве проследовал напрямик в раздевалку, где поспешил переодеться обратно в свой привычный пуховик.

Пятна грязи на ткани к этому моменту уже окончательно подсохли. И хотя Ся Синъань в свое время очень тщательно затер их салфетками, на пуховике все равно отчетливо проступали огромные, уродливые разводы от грязной воды.

При виде этих отвратительных следов — бурых, въевшихся пятен, из-за которых вся куртка выглядела заношенной и грязной, — Ся Синъаню стало невыносимо тоскливо.

Эта куртка была, между прочим, самой дорогой вещью в его небогатом гардеробе.

И пускай заезд на мотоцикле помог ему выпустить пар и сбросить напряжение, Ся Синъань все равно не удержался от тяжелого, горького вздоха. Плотнее запахнув пуховик, он с понурой головой побрел к выходу из комплекса.

Часть тусовки, не выдержав гнетущей, удушливой атмосферы, которая воцарилась вокруг поверженного лидера, поспешила разойтись. В конце концов, многие из них действительно любили скорость и мотоциклы, и это зрелище — когда Линь Хэ ведет себя как капризный ребенок, не умеющий достойно проигрывать, — вызывало у них лишь отторжение. Переговариваясь вполголоса и отпуская колкие смешки, они один за другим покидали стадион.

Линь Хэ сидел на байке, дико вытаращив глаза. Из его ноздрей с шумным свистом вырывался горячий воздух. Видя, с каким неприкрытым пренебрежением к нему отнеслись вчерашние подхалимы, он окончательно сорвался с цепи и разразился яростным криком:

— Да пошли вы все! Стоило мне один-единственный раз уступить, и вы уже списали меня со счетов?! Решили поржать над моим позором?! Пошли вон отсюда! Все до единого, катитесь к черту!

Те немногие, кто действительно искренне переживал за Линь Хэ, после этих слов лишь разочарованно покачали головами и тоже поспешили покинуть манеж.

Когда Ся Синъань вышел из раздевалки, в огромном пространстве стадиона остался лишь один-единственный человек — Линь Хэ, все так же неподвижно застывший на своем мотоцикле.

Его грудная клетка по-прежнему ходила ходуном: было очевидно, что парень до сих пор не может справиться с бушующим внутри ураганом слепой ярости.

Завидев приближающегося Ся Синъаня, он до хруста сжал кулаки и процедил сквозь зубы с ядовитой усмешкой:

— Ты ведь это нарочно устроил, да, Ся Синъань?! А я-то, дурак, поверил, что ты в байках ни бум-бум! Решил поиграть в серого кардинала, прикинулся овцой, чтобы сожрать волка?! Тебе, небось, безумно весело смотреть на то, как я ползаю в грязи?!

Услышав этот истеричный, граничащий с визгом лай, Ся Синъань слегка посерьезнел, а его бледное, чистое лицо подернулось ледяной пеленой.

Подойдя на пару шагов ближе, он вдруг негромко, но отчетливо хмыкнул:

— Да, мне действительно довольно весело. А когда я думаю, что проиграл именно ты, мне становится еще радостнее.

— Твою мать! — взревел Линь Хэ и со всей дури шарахнул кулаком по рулю байка, отчего его ладонь моментально стала пунцово-красной. — Ну ты у меня, сука, попляшешь...

Однако Ся Синъань не имел ни малейшего желания выслушивать эти пустые, бессмысленные угрозы, которые неудачники обычно бросают в спину победителю. Он бесцеремонно оборвал его на полуслове:

— Можешь не утруждать себя. Сколько бы раз мы ни соревновались, тебе меня не победить. Никогда.

Даже не взглянув на перекошенное от бессильной злобы лицо Линь Хэ, Ся Синъань развернулся и легкой походкой направился к дверям.

Сделав пару шагов, он вдруг словно вспомнил о чем-то важном, резко замер на месте и, не оборачиваясь, бросил через плечо:

— В следующий раз, когда будешь за рулем, будь любезен, внимательнее смотри на обочину. Ты испортил мою куртку, и я до сих пор из-за этого очень зол. Далеко не у всех людей такой ангельский характер, как у меня — другой бы на моем месте уже давно стряс с тебя компенсацию за химчистку.

Линь Хэ: «.....»

Еб твою мать!

Да лучше бы ты с меня деньги тряс!

Ты раскатал меня по асфальту как паршивую собаку! Лицом в грязь ткнул перед всей тусовкой!

Однако его безмолвный, удушающий крик ярости так никто и не услышал — главный виновник его унижения уже давно скрылся за дверями клуба.

.....

Едва переступив порог спортивного комплекса, Ся Синъань инстинктивно втянул голову в плечи от резкого удара морозного воздуха. Горячая от адреналина голова под воздействием

холода моментально и принудительно остыла.

Вслед за этим начали постепенно просыпаться и остальные физические рецепторы тела.

Ноги и руки, которые до этого момента буквально онемели от напряжения, теперь с явным опозданием отозвались глухой, ноющей и стремительно нарастающей болью.

Только сейчас Ся Синъань смутно припомнил, что изначально-то он выходил из дома с одной-единственной целью — дойти до аптеки и купить обезболивающую мазь...

От недавнего триумфатора, который только что закладывал безумные виражи на треке, не осталось и следа: теперь Ся Синъань, кривясь от боли и шумно втягивая воздух сквозь зубы, засунул руки глубоко в карманы и мелкими, семенящими шажками кое-как поковылял к краю проезжей части.

Кожа, которая после тяжелых съемок на канатах и без того была сплошь покрыта багрово-синими гематомами, после этих безумных гоночных кульбитов наверняка окончательно распухла и превратилась в сплошное месиво.

Ся Синъань с абсолютно каменным, отрешенным лицом застыл на обочине дороги. Ледяной ветер безжалостно хлестал его по лицу, а от накатывающих волн острой боли его губы стремительно бледнели.

Получить новые травмы поверх старых — с рациональной точки зрения это решение ввязаться в гонку выглядело верхом безрассудства и глупости.

Впрочем, Ся Синъань ни секунды не жалел о содеянном.

Даже если бы время повернулось вспять, он поступил бы точно так же: в то самое мгновение, когда до его слуха долетел рокот моторов, он без колебаний отбросил бы всю свою хваленую рассудительность и снова выбрал бы это безумие.

В конце концов, это была чистая, безоговорочная победа.

«А это чертовски приятное чувство», — с легкой улыбкой подумал Ся Синъань.

—

<http://bllate.org/book/17669/1646841>